

Чу Ян проснулся, окутанный блаженным теплом. Нос щекотал едва уловимый, прохладный аромат, напоминающий запах кедра. Спал он так сладко и крепко, что за всю ночь не увидел ни единого сновидения.

Он сонно распахнул глаза. Мутная пелена перед взглядом постепенно рассеялась, и Чу Ян с ужасом осознал, что буквально распластался на Цзян Цзюэ. Его рука крепко обвивала чужую талию, а щека отчетливо ощущала жар, исходящий от широкой груди. Температура тела Цзян Цзюэ оказалась настолько идеальной, согревающей и уютной, что отрываться от него совершенно не хотелось.

«Твою ж мать!» – когда до Чу Яна дошло, кого именно он использует вместо плюшевого мишки, его аж передернуло от испуга.

Он поспешно и максимально бесшумно отстранился. Виновато покосившись на соседа, он заметил, что Цзян Цзюэ по-прежнему спит с закрытыми глазами, а его дыхание остается глубоким и ровным. Только убедившись, что не разбудил его, Чу Ян с облегчением выдохнул, мысленно оправдываясь: «Босс, я тут ни при чем, сам виноват, что от тебя так разит теплом... Вчера была такая собачья холодина, что я придвинулся чисто на физиологических инстинктах!»

Он на цыпочках оделся. Едва босые ступни коснулись пола, стало ясно: температура в комнате рухнула градусов на десять, не меньше. Ледяной сквозняк пополз вверх по штанинам, заставив Чу Яна зябко передернуть плечами.

Подойдя к окну, он прикоснулся к стеклу. Пронизывающий до костей холод мгновенно ударил по кончикам пальцев, заставив его с шипением отдернуть руку. Кожа вмиг оледенела.

Подняв взгляд, Чу Ян обомлел: за окном расстилалась бескрайняя белая пелена.

Густой снегопад валил крупными, как гусиный пух, хлопьями. Бесчисленные белые пушинки кружили в воздухе, укрывая крыши, деревья и улицы безупречно чистым покрывалом. От многоэтажек вдалеке остались лишь размытые силуэты. Мир погрузился в абсолютную тишину, нарушаемую лишь мягким шорохом падающего снега. Картина выглядела бы просто сказочной... если бы, конечно, на дворе не стоял апокалипсис.

– Матерь божья, всего одна ночь прошла, а снега уже столько намело? – Чу Ян ошеломленно

цокнул языком, глядя на сугробы, достигающие колена. – Холодает быстрее, чем летит ракета. Еще вчера было так жарко, что хотелось снять рубашку, а сегодня нас тут просто в шоковую заморозку кинули.

Не успел он договорить, как из гостиной донеслись громкие ругательства Чжао Даюна вперемешку с бесконтрольным стуком зубов:

– З-з-замерз! Т-твою мать, что за хреновая погода?! За одну ночь – и сразу зима! Нас тут что, живьем заморозить решили?!

Чу Ян толкнул дверь и вышел из спальни. В пустой гостиной он увидел Ван Жуя, Ли Вэня и Чжао Даюна. Одетые лишь в тонкие футболки с коротким рукавом, эти трое съежились в жалкий комок. Они безостановочно притопывали ногами и яростно растирали руки, а их губы уже приобрели отчетливый синюшный оттенок.

Сквозь оконные щели в гостиную непрерывно сочился ледяной сквозняк, выстуживая помещение так, что температура внутри почти не отличалась от уличной.

А тем временем в спальне едва слышно щелкнул замок тихо притворенной двери.

Почти в ту же секунду Цзян Цзюэ медленно открыл глаза.

В его глубоком взгляде не было ни малейшего намека на сонную пелену – лишь спокойная, холодная ясность.

Он не стал сразу вставать. Просто лежал в тишине, глядя на облупившуюся краску потолка, но казалось, что его взгляд пронзает крышу насквозь, устремляясь куда-то в далекое прошлое.

Как давно он не спал так крепко?

Он и сам уже не мог вспомнить.

С тех пор, как произошло «то самое», даже до начала апокалипсиса его ночи проходили в бесконечной бессоннице.

Но прошлой ночью...

Мысли Цзян Цзюэ вернулись ко второй половине ночи.

Поначалу он просто прикрыл глаза, чтобы дать телу отдых, по привычке сохраняя предельную бдительность.

Но в какой-то момент ровное, протяжное дыхание парня рядом зазвучало как успокаивающий белый шум, рассеивая скопившиеся в голове навязчивые мысли.

Что еще удивительнее, от того места, где они соприкасались, непрерывным потоком исходило идеальное тепло – оно не обжигало, но его с лихвой хватало, чтобы прогнать ночной холод.

Окутанный этим незнакомым, причудливым ощущением, он почувствовал, как струна напряжения, натянутая внутри уже неизвестно сколько времени, начала понемногу ослабевать. Сознание постепенно затуманилось, и в конце концов он погрузился в безмятежную темноту без сновидений.

Спокойный сон длился всю ночь, вплоть до рассвета.

Для него это было поистине немыслимой, невероятной роскошью в условиях апокалипсиса.

Его взгляд слегка сместился и остановился на плотно закрытой двери спальни. В темных глазах не читалось никаких эмоций, лишь кончики пальцев бессознательно поглаживали простыню, словно все еще ощущая оставшееся на ней тепло другого человека.

В гостиной Ли Вэнь яростно растирал почти окоченевшие руки. Его зубы бесконтрольно выбивали дробь, а голос дрожал:

– Т-так не пойдет... Н-надо найти теплую одежду... Иначе мы тут реально насмерть замерзнем...

Чжао Даюн бегал на месте. С искаженным от страданий лицом и нахмуренными чуть ли не до переносицы бровями он причитал:

– В таком-то виде мы превратимся в ледышки еще до того, как за порог выйдем! И этот снег,

похоже, в ближайшее время не прекратится!

Ли Вэнь бросил взгляд на пуховик Чу Яна, и его глаза загорелись:

- Чу Ян, у тебя есть теплая одежда? Одолжи нам пару вещей на первое время, как найдем свои - сразу вернем! - в его тоне звучала мольба, а во взгляде читалась отчаянная надежда.

Чу Ян посмотрел на этих двоих, съежившихся и дрожащих в жалком виде, вспомнил их недавнее отношение к себе, и на его губах заиграла насмешливая полуулыбка. Он намеренно растянул слова:

- Ой, да это же братец Ли и братец Чжао! Что это вы так вымерзли-то?!

Ли Вэнь и Чжао Даюн тут же переменились в лице. Чжао Даюн заискивающе заулыбался:

- Брат Чу, это я в прошлые дни виноват, мой поганый рот не распознал хорошего человека, приношу свои извинения! Вы человек великодушный, не обращайтесь на нас внимания.

Если у вас есть одежда, найдите нам хоть что-нибудь, ну правда, собачий холод! Если продолжим мерзнуть - точно простудимся, а в апокалипсис простуда - это не шутки, эдак и копыта тут откинуть можно!

Ли Вэнь тоже поспешил встрять, пытаясь сыграть на эмоциях:

- Верно, брат Чу! В тот день, когда ты только пришел такой голодный, разве мы не поделились с тобой едой? Сейчас мы оказались в беде, помоги нам, а? Мы же все в одной лодке!

Чу Ян вздернул бровь. В его голосе зазвучали игривые нотки, когда он безжалостно раскусил эту ложь:

- Стоп-стоп-стоп! Ту еду мне выделил брат Цзян, к вам она не имеет никакого отношения.

Если бы вы тогда действительно хотели мне помочь, то не стали бы спокойно смотреть, как я голодаю, и чесать языками за спиной. А теперь, когда я вам понадобился, вдруг вспомнили про «одну лодку»?

Обоих словно заткнули, они побледнели, а затем густо покраснели.

Чу Ян посмотрел на их посиневшие от холода лица. И хотя его раздражали их прошлые выходки, по большому счету они не сделали ему ничего по-настоящему плохого. Вздохнув про

себя, он смягчил тон:

– Ваше счастье, что вчера погода показалась мне подозрительной, и я прихватил несколько теплых вещей. Ждите, сейчас поищу.

Вернувшись в комнату, он увидел Цзян Цзюэ, стоящего у окна со слегка нахмуренными бровями и наблюдающего за снегопадом.

– Брат Цзян, ты уже проснулся, – сказал Чу Ян, роясь в пространстве в поисках одежды, и пояснил: – Снег на улице валит дай боже, а эти ребята там в футболках. Боюсь, как бы насмерть не замерзли, найду им пару курток на первое время.

Цзян Цзюэ, глядя в окно, лишь равнодушно хмыкнул «угу» в знак того, что услышал.

Чу Ян достал три плотные ватные куртки – не такие высокотехнологичные, как та, что была на нем, но вполне достаточные, чтобы спастись от нынешнего холода.

С куртками в руках он вернулся в гостиную и передал их Ли Вэню с компанией.

Ли Вэнь и Чжао Даюн рассыпались в благодарностях.

Ван Жую, хоть и было холодно, но он все-таки пробудил способность огня, поэтому чувствовал себя куда лучше Ли Вэня с Чжао Даюном. Глядя на куртку в руках Чу Яна, он невнятно и презрительно фыркнул.

Чу Ян вскинул бровь и сделал вид, что забирает протянутую куртку. В его тоне послышалась угроза:

– Не хочешь? Вот и славно, мне же лучше. А то некоторые и на елку влезть хотят, и ничего не ободрать, да еще и морды воротят, будто я им денег должен.

Увидев, что куртка уплывает из-под носа, Ван Жуй на секунду замялся, а затем поспешно выхватил ее. Он грубо напялил вещь на себя, но на словах продолжил упрямиться:

– К-кто сказал, что не хочу?! Просто подумал... шмотка так себе, разве что за неимением лучшего сойдет!

Глядя, как эта троица кутается в теплые куртки, а к их лицам наконец-то возвращается цвет, Чу Ян не удержался от любопытного вопроса:

– Не поймите неправильно, но даже если теплых шмоток нет, почему вы в одеяла-то не завернулись? Неужто в кайф было так мерзнуть?

Ли Вэнь, как раз застегивавший пуговицы, горько усмехнулся. Он указал на распахнутую дверь спальни, посреди которой стояла лишь голая кровать с единственной, на вид совершенно тонюсенькой, простыней, и беспомощно произнес:

– Брат Чу, ты же не знаешь.

Эту пустую квартиру мы с братом Цзяном нашли как временное убежище, когда начался апокалипсис. Прошлые хозяева то ли сбежали заранее, то ли еще что, но кроме тяжелой мебели, которую не утащишь, они подчистили всё. Нормальное постельное белье, теплая одежда – всё давно вынесли, ни нитки не оставили.

Он сделал паузу, вспоминая недавнюю изнуряющую жару, и сокрушенно вздохнул:

– Последние пару дней пекло как в духовке! Мы ночью животы простыней прикрывали, и то казалось, что задохнемся. Кто ж знал, что за одну ночь всё вот так обернется?

Стоящий рядом Чжао Даюн, дрожа, просунул руки в рукава и возмущенно подхватил:

– Вот именно! Эта чертова погода словно издевается! Вчера хотелось голышом бегать, а сегодня можно в ледяную статую превратиться!

Мы бы и рады в одеяла замотаться, да где ж их взять!

Вчера вечером мы сгрудились на одной кровати, замотались в эти две жалкие простыни, но все равно промерзли как перепелки на снегу! Жались друг к другу, дрожали как осиновые листья, глаз сомкнуть не могли! Еле-еле ночь пережили, теперь все кости ломит!

Ван Жуй промолчал, но его напряженное лицо явно выражало согласие – просто гордость не позволяла ему вот так открыто ныть.

Чу Ян кивнул и больше ничего не сказал. Выглянув в окно, он заметил, что на улице стоит подозрительная тишина. Даже вечно слоняющиеся без дела зомби куда-то запропастились. Он невольно подумал: «Неужто зомбаки тоже холода боятся? Попрятались в спячку, что ли?»

– Слушайте... а что сегодня на завтрак? – сменил тему Чу Ян, у которого в животе уже начались голодные трели.

Ли Вэнь кивнул в сторону кухни:

- Рисовую кашу сварили. Из того риса, что вчера принес брат Цзян.

Они молча хлебали горячую кашу. Согревающая жидкая пища скользила по пищеводу, наконец-то прогоняя остатки холода и позволяя окоченевшим телам слегка расслабиться и согреться.

После завтрака Цзян Цзюэ уже привел в порядок свое снаряжение. С клинком в руке он явно готовился к выходу.

- Брат Цзян уходит? - увидев это, Чу Ян поспешно отставил пустую миску и увязался следом.

- Снег еще не слишком сильный. Надо собрать припасы, пока есть возможность, - лаконично бросил Цзян Цзюэ.

Ли Вэнь посмотрел на непрекращающуюся белую пелену за окном и с тревогой сказал:

- Но в такую холодрыгу... если подхватим простуду, в апокалипсис это обернется катастрофой.

- Но сидеть здесь и проедать запасы - тоже не выход, - вмешался Чу Ян. - Когда еда закончится, мы либо сдохнем от холода, либо от голода.

Чжао Даюн и Ли Вэнь переглянулись и уставились на Ван Жуя, ожидая его решения.

Ван Жуй, хоть и пробудил способность огня, тоже с трудом переносил этот пронизывающий ледяной ветер и резкое падение температуры. Его дар предназначался в первую очередь для атаки, а вот согреться с его помощью было проблематично.

На его лице отразилось сомнение, а голос заметно сбавил децибелы:

- Может... повременим? Подождем, пока снегопад поутихнет, да и потеплеет немного, а уже потом пойдем? На улице сейчас наверняка чертовски опасно. Дороги скользкие, а зомби, чего доброго, затаились где-нибудь и ждут момента, чтобы напасть исподтишка...

Чу Ян насквозь видел их трусость и жалкую надежду на «авось». Уже стоя на пороге, он все же обернулся и бросил напоследок:

– Скажу я вам, вы слишком много думаете! Пока снег не намело по самое не балуйся и дороги еще проходимы – сейчас самое идеальное время для вылазки.

Вот когда сугробы вырастут выше колена, тогда не то что припасы искать – даже ноги переставлять станет тошно. А если нарветесь на опасность, то и сбежать не выйдет. Останется только стоять и ждать, пока зомбаки вас как живые мишени сгрызут.

Хотите отсиживаться здесь – ваше право, никто держать не станет. Только когда жрать и пить будет нечего, на нас не пеняйте!

Сказав это, Чу Ян не стал больше тратить слова попусту. Развернувшись, он поспешил за Цзян Цзюэ, который уже вышел за дверь.

Они спустились по лестничной клетке. Когда парни поравнялись со вторым этажом, дверь одной из квартир со скрипом приоткрылась, и в щель высунулась седовласая бабка с весьма пронырливым выражением лица. Ее мутные глаза тут же впились в Цзян Цзюэ:

– Сяо Цзян, опять куда-то намылился? Вот и славненько! У нас как раз запасы на исходе, внучок аж надрывается от голода! Притащи-ка мне еды на обратном пути: рис, лапшу, масло – всё тащи. И мясных консервов прихватить не забудь!

Тон у нее был до того безапелляционный, словно Цзян Цзюэ задолжал ей по гроб жизни.

Чу Ян смерил старуху оценивающим взглядом, мысленно фыркнув: «Бабке-то лет немало, а наглости столько, что танком не прошибешь!»

Затем его взгляд скользнул сквозь щель в двери. В глубине квартиры смутно угадывались силуэты мужчины и женщины средних лет: завернувшись в одеяла, они сидели на диване и в ус не дули. На разговор у порога парочка даже ухом не повела, не то что голову поднять.

Цзян Цзюэ даже взглядом старуху не удостоил. Не сбавляя шага, он молча продолжил спускаться, словно не услышал ни единого слова, да и саму бабку в упор не заметил.

Заметив это, старуха недовольно скривилась. Она поспешно протянула руку, пытаясь ухватить его за рукав:

– Эй! Я с тобой разговариваю! Что за невоспитанная молодежь пошла!

Цзян Цзюэ, словно заранее предвидя это, слегка повернулся, ловко уворачиваясь от ее руки, и одновременно бросил на нее ледяной взгляд.

Этот взгляд был острым, как бритва, и нес в себе такую невидимую стужу, что старуха в ужасе отдернула руку, словно ошпаренная. Весь ее гонор мгновенно сдулся наполовину; она пошевелила губами, но так и не осмелилась произнести ни звука.

Чу Ян не удержался и остановился. На его губах заиграла насмешливая улыбка, а в тоне зазвучала издевка:

– Бабуль, так ваши сын с невесткой вон в комнате просиживают, разве нет? Молодые, руки-ноги на месте, на инвалидов вроде не тянут. Почему бы не отправить их на поиски? Обязательно надо просить брата Цзяна? Брат Цзян вам ничего не должен, с какой стати он будет рисковать ради вас жизнью?

– Да что ты понимаешь! – старуха, задетая за живое, тут же уперла руки в боки. Повысив голос, она заверещала, как настоящая торговка на базаре, заговорив еще более безапелляционно: – На улице столько монстров-людоедов, да еще и снегопад! Знаешь, как опасно моему сыночку выходить?! А вдруг с ним что-то случится, как мы, старики да дети, жить будем? Сяо Цзян ведь отлично дерется! Он и раньше часто приносил соседям вещи, так что такого, если и нам кое-что притащит? Разве это не его долг?

Чу Ян саркастично хмыкнул, возвращаясь к своему аргументу:

– Бабуля, в комнате сидят именно ваши сын и невестка. На вид им лет тридцать, конечности на месте, ни рук, ни ног не оторвало. Так почему они не могут пойти и поискать сами?

– Ах ты щенок, да ни черта ты не понимаешь! – старуха, которой снова наступили на больную мозоль, опять уперла руки в боки. Ее голос взлетел еще на октаву, и она с удвоенной наглостью выпалила: – Мой сын – на вес золота! Если с ним случится беда, что нам, старым да малым, в петлю лезть?! К тому же, Сяо Цзян ведь такой сильный боец! Что ему стоит принести нам немного припасов? Разве это не само собой разумеется?!

– Само собой разумеется? – Чу Яна аж рассмешила эта бандитская логика. – То есть жизнь вашего сыночка – это жизнь, а наша ничего не стоит, и ее можно просто так выбросить на помойку? Вы боитесь, что ему будет опасно, а мы, по-вашему, не боимся, что нас разорвут монстры?

Его голос похолодел, и он стал чеканить каждое слово:

- Мы все выживаем в этом апокалипсисе. Кому сейчас легко? Мы вас не грабим, не отбираем ваше - это уже верх человечности. С какого перепугу мы обязаны рисковать ради вас своими шкурами?

- Да как у тебя, сопляк, совести не хватает такое говорить! - старуха распалялась все больше. Ее лицо побагровело от злости, а скрюченный палец едва не ткнул Чу Яну в самый нос. - Вы молодые, крепкие, сильные! Что такого, если поможете нам, старым, слабым да больным?! Уважение к старшим и заботу о младших совсем псам скормили?!

<http://bllate.org/book/20912/2132841>